

Валерий ГЛЕБОВ

Родился в 1947 году в Воронеже. Окончил Воронежский государственный университет. Работал переводчиком на Кубе, главным редактором киноредакции первого канала в Гостелерадио СССР, в издательстве «Радуга». Главный редактор газеты «Голос Родины» Ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом «Родина». Независимый издатель, эссеист, переводчик, автор и участник нескольких поэтических сборников. Живёт в Подмоскowie.

КРЕПОСТЬ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Жизнеописания почти всегда требуют оправданий: а какое ты имеешь право слово молвить о великом - человеке, событии, явлении? Ты причастен? Ты соратник? Ты ученик или учитель?

Нет, нет и нет. Борис Львович не был моим наставником, я не изучал его наследия, не снимался в его фильмах. Я просто был рядом. Много лет. Так уж судьба сложилась. Конечно, мы и хлебы преломляли, и пригубливали, но это не для многих глаз.

. Ох, как тяжело ему было стареть! Ведь он оставался в душе строевым офицером, он не мог позволить, чтобы кто-то заметил его слабость. Поэтому в самые последние годы в дом, где он жил, не допускались ни праздно любопытствующие, ни, хотя и не праздные, а вроде бы по делу - журналисты и съемочные группы. «Собираемся, но только свои» - говорила Зоря. Боря, Зоря - это не фамильярность, видит Бог. С Зорей Альбертовной мы когда-то работали в Останкине, правда, в разных редакциях. А телевизионщики все поголовно зовут друг друга на «ты». По крайней мере, так было в те времена. И когда я вошел впервые в дом Васильевых, то, увидев знакомое лицо, сказал «на автомате»:

- Ой, а чё эт ты тут делаешь?

На что Зоря расхохоталась и ответила в интонацию:

- Да живу я здесь!

А смеялась Зоря удивительно лучисто!

Ситуация тут же прояснилась, так что Зорю я называл по имени, ну вот просто всегда. Не то - с Борисом. Он был для меня Львовичем и десять, и пятнадцать лет. И только в последние годы, когда мне приходилось иногда ухаживать за ним, он сам взмолился:

- Ну, мы уже совсем близкие люди, а ты меня все по отчеству. Вы ж все равно меня с Зоренькой Борисом зовете. Так что давай, смелее.

И я кое-как перешел на «ты». Путаюсь и смущаясь. Но так ему действительно было теплее.

А тепло в дом текло отовсюду, от людей, конечно. Однажды побывав у Васильевых, гость, а впоследствии - близкий для семьи человек, доктор исторических наук, академик РАН, а попутно и успешный бизнесмен Илья Урилов, взялся помочь Зоре серьёзно обустроить быт: установил в подсобке котел с солярочной форсункой и наладил во всех помещениях паровое отопление, укрепил пол. И стеклопакеты в окна вставил. И многое другое сделал. И Зоря уже не таскала ведрами уголь из подсобки. Да, были и такие годы. Дай тебе Бог всяческой удачи в делах, Илья.

Первый этаж дома был, скажем так, общедоступным. От входа - малюсенькая прихожая-раздевалка с огромным количеством сменной одежды и обуви, на разную погоду и на все времена года. Почему-то много было военной или военизированной формы, включая бушлаты, теплые комбинезоны и унты. Справа от прихожей деревянная лестница в два пролета вела на второй этаж. В закутке под лестницей помещались десятки, если не сотни пар сменной обуви, тапок и шлёпанцев для гостей. Когда дверцу в закуток открывали, там автоматически зажигался свет, но с большим запозданием, так что многие начинали шарить по стенам в поисках выключателя. Зоря спокойно наблюдала за суматохой и радовалась, когда хитроумное устройство все-таки срабатывало.

Главным объектом внимания в прихожей были плоские круглые часы на стене, из современных, на батарейках. Не стоило бы о них и вспоминать, если бы они не шли вспять, супротив времени! Стрелки на них двигались противосолонь, то есть, справа налево. И не потому, что кто-то не так подсоединил полюса, а потому что так задумали изготовившие их немцы. Наверное, чтобы опровергнуть расхожее мнение, что у них все по ранжиру и по уставу. А вот нет вам!

Сразу из прихожей визитер попадал в довольно обширную переднюю, с огромным старинным буфетом слева, круглым столом с самоваром у стены напротив окна и глубоким креслом в правом углу. Рядом с креслом стоял маленький столик с несколькими телефонами, которые звонили как-то неотлично, так что не сразу соображалось, какую трубку брать. Потом все перешли на сотовые телефоны, которые тоже приходилось иногда подолгу искать. В левом углу передней, за тяжелой портьерой пряталась дверь в одну из маленьких спаленок, во вторую можно было войти из столовой. Но это была частная территория хозяев,

Гости обычно собирались в столовой, где у левой от входа стены расположилась большущая оттоманка, а справа от неё, поперёк комнаты - еще один диван и кресла, разделявшие столовую на две части и повёрнутые в сторону правой стены, вплотную к которой был установлен огромный экран телевизора. Весь правый угол был занят полками с книгами и всяческими статуэтками и призами.

Главный предмет мебели во второй половине столовой - массивный обеденный стол, стоявший напротив входа. Квадратный, на шесть персон, хотя мог и раздвигаться для десяти и более гостей. Вообще-то, столующихся у Васильевых было значительно больше за счёт едоков, для которых существовала отдельная столовая - за окном. Туда слетались «наши» синички, пара-тройка соек и неизменно появлялась отдельно взятая белка, исчезающая на лето, но стабильно возвращавшаяся зимой. Не стоило бы и упоминать об этой бытовой детали, но мешочек с семечками для заоконных гостей никогда не иссякал, и в самые лютые морозы и непролазные снегопады тропинка к кормушке была протоптана Зориными мягкими чоботами. Вот не было у нее больше забот!

Завтрак мужу готовился, как положено, но с утра первое - накормить Фроську и синичек. Как-то они сейчас там?

В столовой Борис Львович всегда сидел спиной к окну. От окна частенько тянуло холодом, поэтому на спинке Бориного стула висела меховая безрукавка, которую Зоря Альбертовна неукоснительно заставляла мужа надевать. Он беспрекословно слушался. Он вообще считал Зорю главной. Когда ее по каким-то причинам не было в доме, а надо было уговорить Бориса съесть что-то непривычное или принять новое лекарство, лучшим способом было сослаться на то, что Она так велела или разрешила. «А, ну тогда можно», - послушно говорил Борис. Он даже вставал из-за стола после еды не иначе, как подняв по-школьному ладонь - можно выйти? И непременно целовал жене руку.

Васильев дворянского происхождения. Он этим гордился. Но каких-либо жалованных грамот на стенах не вывешивал. Родовой усадьбы не имел. Они с Зорей держали старинный фамильный строй, заведенный еще в Смоленске Бориной матушкой. Дом должен жить по незыблемому правилу, которое, как каркас, помогает человеку содержать в порядке самого себя. Завтрак, обед и ужин - самые очевидные ориентиры в течение дня, как правило, в одни и те же часы. К ним нужно готовить себя, настраиваться - тогда самая простая пища пойдет впрок.

Последние годы Борис жил на строгой диете. Поэтому пища для него готовилась отдельно. Но по полной схеме - салатик, суп, основное блюдо, чай или компот. Кстати сказать, ограничения в питании Борис принял беспрекословно и с достоинством. Редко-редко капризничал, но только когда Зори не было дома. Помню, «довёл» меня требованием порезать кабачки на точно такие дольки, как это делала Зоря. Да Бог их знает, какой толщины они у нее получались! Нет. Так слишком тонко, так не кружком, а овальчиком, так разваливаются. Была бы Зоря за столом, спокойно сказала бы «не привередничай, ешь!». А мне пришлось известить пару здоровых овощей.

Для остальных обедавших готовилась другая пища, но тоже по полной программе. Зоря, сидевшая обычно в торце стола по правую руку мужа, разливала по тарелкам первое из кастрюльки и передавала участникам трапезы. Руки у неё были уже слабыми, и

суп был готов расплескаться, но, сколько я ни пытался перехватить инициативу, Зоря отстаивала свое законное право быть хозяйкой стола. Даже когда она ходила на костылях после перелома шейки бедра, она умудрялась приносить еду из кухни, оставляя мне только тяжелые кастрюли и чайник. Чаще всего Зоря готовила сама, только в последние года два согласилась получать вторые блюда из придорожного кафе. Заведение было просто чудесным, хозяин-армянин сам ездил за продуктами, следил за готовкой, так что мы не сомневались в качестве и отменном вкусе шашлыков, люля-кебабов и блинчиков с мясом.

У Васильевых прислуги не было, и Зоря, вплоть до нескольких последних лет, практически всё по дому и по хозяйству делала сама. За торжественными обедами Боря и Зоря пользовались своими, от родителей еще оставшимися столовыми приборами, а в будни безо всякого пиетета употребляли обычные ложки и вилки. Для чая использовались особые металлические чашки-термосы - пониже и покруглее для Зори, повыше и поуже для Бори. Поскольку сладостей хозяину дома не полагалось, Зоря готовила в духовке аппетитные сухарики, которые Борис ломал своими аристократическими пальцами и размачивал в эксклюзивной чашке. Но особое почтение вызывала во мне личная Васильевская серебряная стопочка, с гравированными узорами. Совсем малюсенькая. Зоренька не хотела лишать мужа такой крохотной радости, как 15 граммов водочки за обедом. Но в рамках узаконенной дозы! А в конце жизни Борис и сам перестал поднимать стопочку - не хотелось огорчать жену. Только раз он нарушил данный себе обет - на её поминках.

В былые годы Борис любил гулять по лесу. По его рассказам, отец на Смоленщине научил его ориентироваться в любых дебрях, что даже помогло ему выйти самому и вывести несколько бойцов из окружения во время войны. Каждый день зимой и летом в сопровождении собаки он вышагивал свои километры перед обедом сначала в приличествующей сезону обуви, потом стал носить меховые летчицкие унты, а с какого-то момента стал пользоваться ещё и палкой. Но всегда шел прямо, строго, по-офицерски. Потом прогулки стали ограничиваться периметром усадьбы. А еще через какое-то время их заменило получасовое сидение в кресле на крыльце веранды.

Курил он много. Время от времени в доме вспыхивали кампании по борьбе с курением, вполне, впрочем, мягкие и доброжелательные. Но семейный врач однажды объяснил всем раз и навсегда: прекращение поступления в организм никотина в таком возрасте может привести к непредсказуемым результатам. А если проще, то, чтоб не было хуже, пусть курит, но поменьше. И Борис стал разламывать сигареты надвое. Часть с фильтром курил обычным образом, а остаток дотягивал через какое-то время через мундштук. Были времена, когда художник и курильщик Илья Клейнер привозил писателю и курильщику Борису Васильеву пачку настоящей махры, и они зализывали себе настоящие самокрутки и дымили на веранде по-черному, по-фронтовому. Сейчас Илья пишет свои картины о холокосте, проживая в немецком Потсдаме, и покуривает тайком от жены по паре сигарет в день. Свои беседы с Борисом он записал и опубликовал в книге «Точка опоры».

А потом пришло время, когда Зоря попросила меня присмотреть где-нибудь на рынке настоящие валенки, потому что дома даже в самых теплых тапочках ноги все-таки подмерзали. Я нашел, какие помягче, не для улицы, и Борис с удовольствием надевал их каждый день. Но всё равно выглядел не по-стариковски, а по-военному. Были же и у советских солдат валенки как часть обмундирования.

До какой-то поры Васильев совершал небольшой, но настоящий подвиг каждый день. По положенному порядку ему надлежало ночевать в их с Зорей большой спальне на втором этаже. Лестница наверх была очень крутой и узкой, в два марша, шесть и одиннадцать ступенек каждый. Зоря выносила на промежуточную площадку маленький табуретик, чтобы Боря мог присесть и отдышаться. Для Бориса было принципиально важно - самому дойти до спальни. Иначе можно было слечь и отдаться во власть медсестер и нянечек. Иногда, правда, он позволял себе принять поданную мной руку, чтобы подняться с очень мягкого и глубокого дивана в столовой. Но это делалось скорее как некий театрализованный жест, игра. А всерьез, повторяю, Борис до конца был мужественным и уверенным в себе человеком. Только один раз он сдал позиции - когда лестница наверх стала занимать слишком много времени. Не пишу «путь наверх» в силу чрезмерной многозначитель-

ности и несоответствия истине - на самом верху Борис был уже давно. Его верный и многолетний друг Сергей Александрович Филатов даже начал собирать документы для представления Васильева к Нобелевской премии. Не успел. А посмертно ее не вручают.

Борис переселился в маленькую спальенку на первом этаже, Зоря заняла вторую - рядышком, чтобы слышать дыхание мужа. Когда приезжал я, то ночевал летом на веранде, буквально через стенку. А зимой мне отводилась Васильевская спальня на втором этаже, где в углу висел образ Богородицы в большом, быть может, серебряном окладе. А рядом стояла деревянная икона святых Бориса, Глеба, Александра Невского и Иоанна Крестителя, спасенная из когда-то кем-то разрушенного иконостаса.

После переселения на первый этаж Борис уже никогда не поднимался в кабинет. Прежде он после завтрака работал там до самого обеда. Писал или читал, или думал в уединении. и быть может, это была самая трудная работа - пролистывать жизнь. А теперь сидел с утра на диван перед огромным телеэкраном и погружался в мир кино. Это стало местом почти постоянного его пребывания на первом этаже. Были времена, когда включалась и программа «Время». Но потом Борису стало неинтересно следить за «мышьиной возней». Он водружал на голову огромные наушники, чтобы не мешать окружающим чересчур громким звуком (после восьмидесяти стал глуховат), и погружался в виртуальное, но живое для него пространство фильмов, довольно часто - про войну. Приемный сын - Петя - привозил диски с новинками (старыми советскими фильмами, которых еще не было в коллекции, или зарубежной классикой), проверял качество и управляемость через пульт, и далее Борис самостоятельно распоряжался действительностью. Хотя, вру! Почти для каждой остановки или перемотки пленки вызывалась Зоря, которая лихо справлялась с обязанностями видеоинженера - может быть, сказывалось телевизионное прошлое? Страсть как интересны были споры супругов по поводу сериалов - смотрел ли уже Борис этот кусок или еще нет. Чаще всего один и тот же эпизод прокручивался по два-три раза - для выяснения истины. Каждый раз при просмотре я был строго допрашиваем по поводу того, какое кино мне нравится. Я плёл что-то про американское, французское или

итальянское. За что осуждался и получал нравоучение, что самый замечательный фильм всех времен и народов - это «Место встречи изменить нельзя», которое Борис действительно мог смотреть просто по кольцу. Был жалован им также телесериал режиссера Сергея Урсуляка и оператора Миши Сулова «Ликвидация», из которого частенько цитировалось «тудой» и «сюдой». Свои фильмы Васильев не смотрел. Но в разговорах время от времени возникали имена Жорки или Элика, или кого-нибудь еще из киномира. А это были Юматов и Рязанов, и актрисы из «Зорь...». Никто из них никого не переставал любить и ценить. Но собирались они почему-то только на юбилеях, раз в пять лет.

А вот, чтобы похвастаться, расскажу, что и я приложил руку к визитам на дачу Васильевских друзей...

Алексея Кирилловича Симонова я привозил к Васильевым и даже фотографировал их на одну из первых цифровых камер. Изображение, конечно, совсем плохонькое, но улыбки подлинные, искренние. Мне бы щелкать их на обычную пленку, а еще лучше - записывать со звуком на видеокамеру. Но как-то не осознавалось, что рядом со мной - свидетели и деятели эпохи. У Лёши Симонова я снимался в одном из фильмов. Свидетельствую: он обладает невероятным даром дружить всю жизнь. И потрясающей храбростью: рискнул поехать со мной на машине по Ленинградке, когда я накатал за рулем всего 500 километров. Но хватает же у него мужества быть правозащитником в наше время и возглавлять Фонд защиты гласности!

Галя Щепетнова, актриса и супруга Симонова, попросила меня однажды свести с Васильевым другого известного ныне актера, режиссера и продюсера Алексея Гуськова, которому очень хотелось приобрести права на экранизацию какого-то васильевского романа. С этим Алексеем я снимался в другом фильме - первом российском сериале Юрия Беленького «Горячев и другие». Эх, как же я не удосужился снять их тогда!

Еще один Алексей - Колосов - совсем не киношник, а фотограф от бога. Он ухитряется снимать так, что перед тобой словно в фильме развивается целое действо - как Васильев слушает, как читает, как размышляет. Борис очень любил с ним поговорить.

А уж Валентин Никулин (для друзей - Валюля) - почему-то все вспоминают его по роли доктора Гаспара Гварнери в «Трех толстяках», - бывал у Васильевых неоднократно, и даже заставил меня однажды проскочить поворот на нашу дачную дорогу, ссылаясь на то, что он здесь каждый куст знает. Пришлось возвращаться. И опять остаться без фотосвидетельств дружбы и верности.

А зафиксированные на пленку актрисы из «Зорь.» до сих пор не получили своих отпечатков .

Я пишу об этих встречах и дружбах, чтобы подчеркнуть и восхититься: вокруг Бориса Львовича и Зори существовал какой-то магический круг, вернее, переплетения кругов, в которые включены были люди из самых разных сфер, оказывавшиеся знакомыми и даже близкими друг другу, когда на них падал свет от Васильева. Если пользоваться фотографической терминологией, он был проявителем. Истинное становилось видимым. А ложное - никогда не охаивалось, а просто не достаивалось чести.

Я писал уже, что прислуги в доме не было, Зоря владычествовала одна. Но помощница по хозяйству Таня приходила практически каждый день. Она удостоена была звания «своей». Простая, громкая, сильная, она притаскивала с собой огромные сумки с продуктами и всякими нужными в доме вещами, помогала готовить, мыть посуду, всех знала, всё понимала. Муж Саша частенько привозил ее на машине, да и Зоря ездила с ним на рынок или даже в Москву по делам. Когда Саша заболел настолько сильно, что ему пришлось делать операцию на Каширке, Таня буквально разрывалась, чтобы поспеть и к нему, и дом не оставить.

А теперь - о рабочем кабинете Бориса Львовича Васильева, откуда вторая дверь вела на смежную с кабинетом веранду, на которую меня однажды впервые привел Илья Клейнер, и я записал на видео огромную беседу с Борисом. Эта кассета и по сей день хранится у меня. Но предложить ее на телевидение не получается: чтобы выйти на связь с подходящими редакциями, нужно быть знакомым не меньше, чем с Эрнстом.

В кабинете почти всю правую стену занимал рабочий стол, слева был диван, над которым висело несколько книжных полок. На

столе в прежние времена стояла пишущая машинка, кажется, «Эрика», потом - один или даже два компьютера, отлаженных и контролируемых Колей, вторым приёмным сыном Васильевых. Там же, на втором этаже слева была еще одна веранда, зимняя, тёплая, пристроенная Петей, но впоследствии переоборудованная в жилище и рабочее помещение для его брата Коли. Он был и математиком, и компьютерщиком классным, но страдал типичным русским недугом. Любил он Зорю искренно и самозабвенно. На девятый (!) день после ее кончины он умер в снях, взявшись за ручку входной двери, чтобы выйти на крыльцо покурить. Сердце не выдержало.

От Б.Васильева - книга на память

Во время Бориной работы на второй этаж никто не осмеливался заглянуть. Видели только, что пепельницы были полны окурков. И остывший чай. И еще оттуда появлялись книги, которые теперь в миллионах экземпляров живут по всему белу свету. Список их на-

верное будет опубликован в этой книге или в других юбилейных изданиях. Знаю, что список этот неполный. Да, да, да! Потому что году в две тысячи пятом или раньше Зоря с Борей вручили мне записанные на черную 3,5-дюймовую дискету незавершенные произведения писателя Бориса Васильева. И сказали, что опубликовать их я могу только после его кончины. Там шесть повестей и романов, которые иногда только начаты, иногда почти дописаны до конца, но по какой-то причине или по прихоти автора отложены. Пару раз я пытался поднять вопрос о публикации, но в каждом случае получал строгую отповедь - вот помру, тогда поступайте, как хотите. Об одном только успели договориться - о названии. Я предложил поместить на обложке - «Неизданный Васильев», а Боря тут же отреагировал - нет, надо так: «Ненаписанный Васильев».

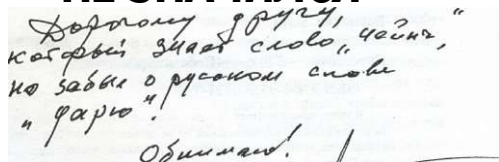
В год 90-летия классика, казалось бы, сам Бог велел опубликовать книгу «Ненаписанный Васильев». Но денег пока никто не дает... Буду добиваться. Год Победы - 2015.

И все же - несколько строчек в рабочем кабинете были написаны Борисом Львовичем при мне. Дело в том, что за многие годы он не подарил мне ни одной своей книги, да даже просто хотя бы карандаша из своей руки. А чего дарить - вот всё тут лежит, бери, читай! А все-таки хотелось мне получить от патриарха рукописное свидетельство нашего тесного знакомства. И однажды я набрался храбрости и вручил Борису какую-то свою книгу, быть может, перевод, - не помню. При дарении предложил махнутьяся - книжка на книжку. При этом употребил расхожий английский термин - «чейндж». Борис долго не мог понять, что это такое. Или притворялся? Когда уразумел, взял первый попавшийся свой сборник - «В списках не значился» - и принялся сочинять дарственную надпись. К счастью, рядом был фотограф Алексей Колосов. Он и снял всю эту процедуру. С какой хитрой и, я бы сказал, веселозлорадной улыбкой Борис выписывал невидимые мне строки - я стоял сбоку и сзади и не мог видеть его лица. Спасибо Лесику Колосову: теперь передо мной, как на ладони, всё искреннее удовольствие Борисово - и от возможности подарить, и от повода подколоть!

Вот эта надпись:

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ

/ Микса
«ВВ»
2010

*Дорогому другу, который
знает слово «чейндж», но
забыл о русском слове
«дарю».
Обнимаю!
Б.Васильев*

Спасибо, Борис, за этот урок, за долгую дружбу, за то, что вы с Зорей были и остаетесь в моей жизни.

Целую твою руку!

Твой Глебыч.

Кого-то может удивить столь подробное описание бытовых мелочей из жизни четы Васильевых. Но время идет, в доме что-то меняется, исчезает бесследно, и, быть может, к тому моменту, когда, наконец, созреет мысль о создании музея писателя-фронтовика, уже и не восстановить будет атмосферу и детали. Так пусть они останутся здесь. Жизнь состоит из мелочей. Но великая жизнь превращает мелочи в камни крепости.